

Н. А. НЕКРАСОВ

Независимая газ. - 1893 - 25 мая - С. 7.

«Муза уныния венчает его в певцы гражданской скорби»

Константин
Мочульский

День классики

СЕМИ ЛЕТ Некрасов начинает писать стихи. Его исключают из пятого класса ярославской гимназии за стихотворные сатиры, которые выучивались наизусть его товарищами. Пятнадцатилетний мальчик приезжает в Петербург со 150 рублями в кармане и с толстой тетрадкой стихов. В течение трех лет он каждый день голоден: живет в трущобах, в холоде, в нищете; когда устают писать стихи, стоя на коленях у подоконника, дождется на пол и продолжает писать. Сотрудничает в «Литературных прибавлениях» к «Инвалиду», в «Сыне Отечества», в «Пантеоне», в «Отечественных записках». Пишет водевили, куплеты, фельетоны. В 1840 году издает сборник стихов «Мечты и звуки». Журнальная черная работа его кормит; стихи навлекают на смехи на злополучного рифмоплета. Он упорствует: пишет стихи запоем, не веря в свой талант, не надеясь на славу — не может не писать. За несколько дней до смерти, преодолевая нестерпимые страдания, редактирует свои «Последние песни». Полумертвый, заканчивает поэму «Мать».

Для Некрасова поэзия — страшная стихийная сила; его муза — жестока и беспощадна: *С железной грудью надо быть, / Чтоб этим ласкам отвечать, / Объявить эти выношить.*

Вдохновение овладевает им, как паучья: не в «сладкой тишине» творит он, а в иступлении и нечеловеческой муке. Он напишет Тургеневу: «...Начинается волнение, скоро переходящее границы всякой умеренности, и прежде чем успею овладеть мыслями, а тем паче хорошо выразить ее, катаюсь по дивану со спазмами в груди, пульс, виски, сердце бьет тревогу».

Эта таинственная сила испепеляет душу, ломает кости, выматывает жилы; это наваждение, одержимость, пытка. Он борется в отчаянии и ужасе, знает, что она его убьет. Боборыкин («Н. А. Некрасов по личным воспоминаниям») рассказывает, что раз в деревне поэт, почувствовав бурный прилив вдохновения, не выдержал: «Пошел к буфету, достал там чего-то, коньяку или наливки, и стал пить. Только этим и спасся». Спасается вином, картонной игрой, лишь бы «уцелеть» — не погибнуть «в спазмах» песенного безумия.

Некрасов признается: «Я запридумал бы литературу, если бы дал себе волю». Свидетельство исключительной важности! Стоит только просмотреть поэтическое наследие его, чтоб почувствовать правдивость этих слов. Поэзия Некрасова — половодье, разлив, потоп: река в неистовом течении выступила из берегов, широко залила поля; сносит дома, вырывает с корнем деревья, увлекает стада; омуты, водовороты, брызги. Мощь и раздолье безмерные; не устоять на ветру, дух захватывает от простора. И по сравнению с этим «стихийным бедствием» какими скудными и умеренно благозвучными кажутся другие поэты! А между тем Некрасов считался, да, пожалуй, и поныне считается «поэтом спорным» (выражение С. А. Андреевского). Дело в том, что критики созерцали наводнение с так называемой эстетической точки зрения: видели безграничную, однообразную поверхность половодья: мутный поток, волнующий песок, ил и коряги. Ну что ж тут красивого? И подлинно — зловеще, уныло, могуче, но уж никак не красиво. А так как в поэтике эпитетов классицизма красота была подменена красотой, а красота отождествлена с поэтичностью — то и получился вывод: Некрасов — не поэт. В наше время такое мнение не нуждается в опровержении. Достаточно самого элементарного чувства поэзии, чтобы ощутить динамику некрасовского стиха. Но это «непризнание» многими современниками (в том числе Тургеневым и Толстым) сыграло решающую роль в его судьбе — определило собой все направление его творчества.

В 1877 году в речи над свежей могилой Некрасова Достоевский отдал ему место вслед за Пушкиным и Лермонтовым. «Некрасов выше Пушкина и Лермонтова!» — крикнул кто-то из толпы. Такой возглас повторялся потом не только поколением, воспитанным на Писареве, но и людьми 80-х и 90-х годов. И это утверждение повредило поэту, быть может, больше, чем все «отрицания» эстетов. Ставившие Некрасова выше Пушкина преклонялись перед гражданином и «прощали» поэта; ниспровергавшие восставали против гражданина и заодно отстраняли поэта. Отголоски многолетнего бессмысленного спора слышны доселе. В книгах о Некрасове — много рассуждений о задачах поэзии вообще, об искусстве для искусства и искусстве полезном, а оценки Некрасова как поэта и до сих пор не существует. Как же создано это недоразумение и каков исторический и художественный смысл некрасовского гражданства и народничества?

В 1840 году Некрасов издает свой первый сборник «Мечты и звуки». Ничто в этих туманных романтических стихах в стиле Жуковского не предвещает будущего «поэта-гражданина». Ни о какой народной

24 мая, в день св. Кирилла и Мефодия, по инициативе Российского фонда культуры проводится День классики. Публикация эссе одного классика о другом и приурочена к этому празднику.

То, что Константин Васильевич Мочульский (1882—1948) был «блестящий стилист» (самый частый эпитет в отзывах о его творчестве, что его подход к тем или иным литературным явлениям вызывает в памяти работы русских формалистов, хотя для себя формальный анализ он выбрал лишь как средство воссоздания образа литературного явления, творческого портрета писателя), легко увидеть при чтении почти любой из его статей. Путь этого исследователя и — если принять во внимание легкость и образность языка — «писателя о литературе» — был драматичен. Его первые «пробы пера» относятся еще к петербургскому периоду жизни, но настоящую известность он обрел в эмиграции. В 20-е годы он сотрудничал с журналом «Русская мысль» (София), с парижскими «Последними новостями» и «Звеном». В это время он — автор коротких, блестящих творческих портретов (русские писатели и поэты XIX—XX вв., зарубежные писатели), проблемных статей-эссе, «мимолетных», но ярких рецензий. Его взор не случайно приковывают «переломные» явления в литературе: «неореализм» в русской поэзии, «кризис воображения» в европейской и русской прозе и т. д., он уже предчувствовал перелом в собственной жизни. С начала 30-х он реже публикует статьи, а темы его монографий («Духовный путь Гоголя», «Владимир Соловьев», книга о Достоевском) и проблемы, в них поставленные, свидетельствуют о том, что теперь исследователя интересует в первую очередь духовная аура писателя, литературная эволюция, определяемая духовными исканиями. Мочульский становится сподвижником матери Марии в «Православном деле», в годы войны чудом избегает ареста, после — медленно умирает от туберкулеза, стараясь диктовать «трилогию» о символистах (Блок, Белый, Брюсов), с особой пристальностью изучая их мистический опыт.

Статья о Некрасове написана почти «на переломе» и опубликована в 1928 году в журнале «Звено». То, что советские литературоведы пытались невнятно объяснить в толстых монографиях, Мочульский сказал точно и ясно на нескольких страницах.

Сергей ФЕДЯКИН

печали нет и помина: зато неясных
далей, лазурных стран, элегиче-
ских настроений и страшных бала-
да — великое множество.
Не шум домовых

на полночном пиру,
Не рати воинственной топот.
То слышен глухой
в непробудном бору
Голодного ворона ропот.

Романтичнее самого Жуковского! Неумело, по-детски, но как «идеально» и как далеко от низменного реализма! В этом первом опыте — весь Некрасов: словесная беспомощность, какое-то особенное, свойственное ему косноязычие и подлинный песенный дар. Это еще только ручей, мирно текущий по мелкому дну — по «красивым» камушкам, но в шуме его слышится отдаленная угроза, неясный гул надвигающегося разлива.

Критика нового звука не услышала, строго осудила словесную неуклюжесть книги. Сам учитель — Жуковский сказал начинающему поэту: «Вы потом пожалеете,

всевозможного «созерцания», глубоко враждебного самой природе поэзии, что выносилость его кажется нам непостижимой. Нужно было иметь исполнительские силы, чтобы не надорваться, не быть раздавленным. В эпоху, когда стихи не только «потеряли кредит», но попросту более не воспринимались, Некрасов — один среди глухих — заставил себя слушать. Создал жанры, столь непохожие на прежние, столь «содержательные» и прозаические, что даже Писарев великодушно позволил ему писать стихи. Под этикеткой «гражданства» ему удалось контрабандой провезти поэзию; она была искусно переодета и загримирована: никто и не догадывался, что Нищенка с грязным лицом и хриплым голосом — Муза. Удивительна судьба Некрасова: родился он двадцатью годами раньше — и он бы затерялся в серой толпе эпитетов. В железных тисках «самой непозитической» эпохи он стал великим поэтом. Белинский увел его с ложной дороги, освободил от классической tradi-

это самоотпечение занимает огромное место в его поэзии), его ритмический поток не вышел бы из узких берегов элегии; но он хоронит Россию, он причитает над ее лесами, степями, реками. Вся земля стонет — просторы необятные, скорбь безграничная!

Сентябрь шумел, земля моя родная
Все под дождем рыдала без конца.

или:
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал;
Где бы сеять твою и хранишь,
Где бы русский мужик не стонал.

«Уныние — куда не погляжу», «Человеческие стоны ясно слышны на заре». Города, деревни, поля, ветры — все сливается во стихийной тоске. Ритмическое движение обрастает словами, закрепляется образами, изнутри творит свою словесную легенду.

Вначале была только тьма и простор — над нами несся стон. Но вот постепенно из стона вырастает Россия и русский народ.

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Перепоилилась наша земля!
Где народ, там и стон...

Эх, сердечный!
Что же значит твой стон

бесконечный?
Самосличное, самое неповторимое — ритм своего дыхания, свою некрасовскую тоску — поэт переносит на родину. На такой глубине интимное и общее — совпадают. Некрасов, стараясь передать свой напев, делается народным певцом. Его стон — стон всех. В своей душе он подслушал «родные» русские звуки. И, подлинно, он самый национальный русский поэт. Теперь он знает: то, что звучало в нем, что с таким мучительным напряжением рвалось наружу — было не его песней, а песней народной. Не он, а весь народ:
Создал песню, подобную стону.

Такова вершина этого творчества: дойти до нее можно было только путем разрушения. Услышав впервые воющий, звериный голос своей Музы, Некрасов старался заглушить его привычными напевами. Хотел подражать Пушкину, Лермонтову, но вместо подражания выходили пародии. Каким страданиям стоило ему примирение со своей «неуклюжей» Музой! Сколько нужно было борьбы, чтобы признаться:

Нет в тебе поэзии свободной,
Мой суровый, неуклюжий стих.

Некрасов лишен культуры слова, чувства формы и композиции, безудержен, безмерен, неуравновешен, мучительно напряжен... Во всем он — полная противоположность Пушкину. И в тот день, когда он понял, что поэзия возможна и вне пушкинского канона, он стал поэтом.

Отказавшись от «гладеньких» стихов (которые ему не удавались), снизив поэтический слог, «опроизв» поэзию, введя в нее разрозненные словечки, фельдетонную болтовню, водевильные «штучки», газетный жаргон и журнальную фразеологию — он спас свой песенный дар и пронес его через глухие годы — к символистам. Влияние его в современной поэзии громадно. С ним связана жизнь нашей поэзии от Блока и до Маяковского. Молодые поэты следуют за Некрасовым или отталкиваются от него: ни одному не дано пройти мимо. Балостители традиций, жрецы чистого искусства — Майков, Полонский, Плещеев — для нас — безжизненные тени, а «гражданин» Некрасов, кощунственно изрекший:

Ах, бугет с нас купцов, кадетов,
Мецан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан,

— этот борзопищес, раешник, куплетист и фельетонист — поэтический, жив необычайно. Поэт, стихи которого аристократ Тургенев называл «жеваным папье-маше с полливкой из острой водки» — оказался среди теней эпитетов единственным живым.

В «Поэте и гражданине» Некрасов казнит себя (самосуд и покаяние — это у него постоянно):

Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,
Сатиры чужды красоты,
Неблагодарны и обидны.
Твой стих тютю...

Неужели этот мутный, загрязненный поток — поэзия? О Муза, гостей ли случайной
Являлась ты душе моей,
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?

Прошло пятьдесят лет со смерти Некрасова: споры — поэт или не поэт — потеряли всякий смысл. И никто, кажется, более не сомневается в его «необычайном даре».

И. Крамской «Некрасов в период «Последних песен». 1877 г.

если выпустите эту книгу». Но Некрасов непреклонен; он продолжает писать стихи, подражая тому же Жуковскому, Пушкину, Лермонтову, Козлову, Дельвигу. Он упорствует в своем эпитетовстве. Он учится — хочет преодолеть природное косноязычие, так как чувствует себя поэтом. Но быть поэтом — не значит ли посвятить себя «звукам сладким»? Разве есть другие пути? Некрасов их не знал. И насильно свой ритмический песенный дар, обрекая себя на заранее проигранную игру.

Его спасает Белинский. Без Белинского не было бы Некрасова-поэта.

В сороковых годах Белинский переживает свой знаменитый «перелом»: от Гегеля к Фейербаху, от искусства чистого к искусству полезному. «Дух нашего времени таков, — пишет он, — что величайшая творческая сила может только изумить на время, если она ограничится птичьим пением, создаст себе свой мир, не имеющий ничего общего с исторической и философской действительностью современности... Нужно только быть гражданином, сыном своего общества, своей эпохи». А это значит: русло классической поэзии обмелело, пушкинский канон исчерпан: поэзия, чтобы уцелеть, из царяцы должны превратиться в служанку: оправдать свое существование пользой. Начало этого «прозаического» периода — тридцатые годы: «Надобно много иметь силы, много самобытности, чтобы к стихам приковать общее внимание в то время, когда стихи потеряли весь кредит и оставлены «малышам в забаву» (Межевич в «Современнике»).

Отсюда — один шаг до Писарева: раз поэзия служанка, с ней нечего церемониться — просто дать ей расчет. «Поэзия в смысле стиходелания стала клониться к упадку со времени Пушкина. Теперь стиходелание находится при последнем издыхании, и, конечно, этому следует радоваться» (Писарев).

Между этими двумя пределами заключено творчество Некрасова. Вот почему, чувствуя в себе силу «запрудить литературу стихами», он не может дать себе воли. Вот почему он должен стать гражданином, «печальником горя народного», борцом за общественные идеалы, проповедником «пользы» и т. д. и т. д., чтобы иметь право на поэтическое существование. Некрасов поднял на свои плечи такой груз «проблем», «проклятых вопросов», идей и идеалов, такой балласт

ции; вывел на бездорожье и оставил одного. Нового пути он ему не показал, да в сороковые годы вообще никаких путей для поэзии не было: шла проза.

В одиночестве, в пустыне Некрасов впервые услышал голос «своей» Музы. Некрасивая, неистовая и угрюмая гостья, как непохожа она на величавую-ясную богиню песнопений! А ее песни — заунывный вой, надгробное рыдание, вымывающее душу, щемящий стон, причитания и плач. Умер, Касьяновна, умер,

сердечная,
Умер и в землю зарыт...

или:
Я лугами иду, ветер свищет в лугах,
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!
Я лесами иду, звери воют

в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно!

Таких песен замолчали, страшных в русской поэзии еще не было. Это «неподражаемые, неистовые» звуки, ветровые, природные. В них особые гласные — глухие, протяжные, бесконечно дующие и особый ритм — раскачивающийся, гулкий, пустынный. Предельная обнаженность стихийного начала, некрасовской звериной тоски. Все сметено движением этого ритма — гражданственность, народность, «проблемы»; кругом — пустая степь без конца и без края и ветер.

И везде, где Некрасов не юродствует и не зубоскалит, в водевильно-фельетонном стиле, чтобы угодить «идейному читателю», — мы слышим его злоевоющий, угрюмый напев. Он движет всем, несет его образы, мотивы, сюжеты. Он первоначален, как дыхание, звучит в душе, когда слов еще нет и образы не возникли: форма чистой динамики. Превращаясь в песню, «напор» ищет словесного оправдания. Откуда это «надгробное рыдание», над кем плач, отчего тоска? спрашивает «идейный читатель». «Идейный читатель» беспринципности не допускает; он не поймет, что ритм тоски — первоначален, что им объясняется все остальное и что сам он необъясним ничем. Нет, ему нужна «разумная мотивация». И вот Некрасов делает чудо: бремя «гражданственности», грозившее его раздавить, он превращает в «поэтическую тему»; сражается оружием врага — и побеждает. Муза уныния венчает его в певцы гражданской скорби, в «печальника горя народного». Если бы он плакал только над собой (а